

Николай Суворов

УСТРОЙСТВО СРЕДНЕВЕКОВЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ*

Корпоративные
союзы германских
университетов

Рассмотрим теперь те частичные или членные корпоративные союзы, которые входили в организацию германских университетов.

Деление на нации получило заметное развитие только в древнейшем парижском и затем в Лейпцигском университете, куда последовало массовое переселение учащихся и учащихся из Праги в 1409 году. Нации были положены в основу обоих университетов: не только места в коллегиях и разные должности замещались путем выборов, производившихся нациями, – само голосование при постановлении решений университета производилось по нациям, а равно совет при ректоре составлялся из восьми членов – по два от каждой нации.

Снижение
значения наций
для университетов

Однако и в названных университетах значение наций более и более падало и впоследствии стало ограничиваться тем, что нация принималась в расчет при зачислении в некоторые бursы, при выдаче пособий бедным или при устройстве похорон. Еще быстрее пало значение наций в Вене. Вначале прокураторы – избранные представители наций – были важнейшими помощниками ректора и вместе с ректором и деканами факультетов составляли «консистирию». По статутам 1385 года за прокураторами признается еще право избирать ректора и другие правомочия, но на первый план выступают уже деканы факультетов: постановление, что сами прокураторы должны принадлежать к четырем различным факультетам, свидетельствует о том, что нации отступают на задний план перед факультета-

* *Суворов Н.С.* Средневековые университеты. М., 1898. Глава 3.

Продолжение. Начало: Развитие личности. 2005. № 3. С. 199–206; № 4. С. 188–198; 2006. № 1. С. 197–211; № 2. С. 216–236; № 3. С. 236–243; № 4. С. 228–237; 2007. № 1. С. 218–234; № 2. С. 226–232; № 3. С. 224–238.

ми. В течение XV века нации в том отношении утратили свой характер, что не возведенные в ученые степени школяры потеряли право голоса: с тех пор собрания наций стали лишь одной из форм собрания докторов и магистров, как и факультеты, и кончилось тем, что собрания университета стали созываться единственно по факультетам. Из других университетов, только еще во Франкфурте под влиянием Лейпцига, откуда был первый ректор, существовали четыре нации (бранденбургцы, франки, силезцы и пруссаки), и некоторые должности были поставлены в соотношение с нациями. В Гейдельберге хотя и различались четыре нации, но на устройство это различие не отразилось, а в эрфуртских статутах даже принципиально было выражено, что «существует единый только университет и единое и неделимое тело, различающееся не по нациям, а по факультетам». В Париже и в Болонье нации распадались на «провинции» или «королевства», чего в Германии не было, даже и в Праге, хотя фонды в пользу коллегий и бурс получали тогда специальное назначение для уроженцев известной местности. Затем нации в германских университетах (то есть в тех, где они были) обнимали учащихся всех факультетов, не как в Париже, где только артисты расчленились по нациям. Нация хотя и определялась местом рождения, но в сущности представляла собой нечто условное: по четыре нации, унаследованные по традиции из Парижа, подгонялись уроженцы всевозможных стран Западной Европы, а в одном университете, после открытия Америки, было даже предусмотрительно отведено в одной из наций место для «индейцев». В Вене, например, австрийская нация обнимала не только все земли и владения габсбургского дома, но и всех итальянцев; рейнская нация обнимала Южную Германию, Францию и Испанию; венгерская, кроме венгров, – славян Богемии, Маравии, Польши, Крoации, румыно-греков; саксонская, кроме саксонцев, англичан, шотландцев, ирландцев, датчан, шведов и норвежцев, пруссаков, помиранцев и лифляндцев.

Разделение
университета
на факультеты
по наукам

Чуть меньше значили нации для устройства германских университетов, тем больше значения должно было получить деление по факультетам, основанное на делении наук, преподающихся в университете. Обычным было деление на четыре факультета. Хотя можно наблюдать и некоторые колебания. Например, из соображений, высказанных в гейдельбергской учредительной грамоте, позволительно заключать, что учредителям представлялось возможным обособление римского и канонического права по двум разным факультетам, а эрфу-

ртские статуты даже прямо говорят о канонистах и легистах, как о двух разных факультетах. Нечто подобное было и в отношении к медицинскому факультету, в котором различие между медициной и хирургией доходило иногда до раздробления факультета на два (как в Тюбнгене), а иногда, напротив, медицина рассматривалась, как одно из «искусств», и, следовательно, медики причислялись к факультету артистов. Факультет «искусств» обнимал неограниченную область. В теории собственно продолжали держаться античные «семь свободных искусств» (*septem artes liberales*), или иначе *trivium* (грамматика, риторика и диалектика) и *quadrivium* (арифметика, геометрия, музыка и астрономия); но эта теоретическая классификация не отражалась ни на учебном плане, ни на испытаниях. Диалектика расширилась в философию вообще и наполнила собою большую часть деятельности факультета. Однако уже в XV веке и еще более в XVI и XVII веках стали проявляться отдельные профессуры математики, греческого, латинского и еврейского языков, история, политическая философия и др.

От единовластительства диалектики к отдельным отраслям

Тут наблюдается, по выражению Кауфмана, поворот времени от единовластительства диалектики к отдельным отраслям и к преобразованию факультета артистов в философский факультет позднейшего времени. Во всяком случае, обособление естествоведения и математики в отдельный факультет оставалось еще в то время совершенно неизвестным. Относительный ранг факультетов позаимствован был в Германии, готовый – из Франции: на первом месте стоял теологический, за ним следовал юридический (канонисты и легисты), дальше медицинский, на последнем месте артисты. Три первых факультета протипологались последнему как высшие. Низший ранг артистов не означал пренебрежение как к ним, а выражал лишь ту мысль, что *artes*, как и во Франции, так и в Италии, суть преддверие, через которое должен пройти всякий, желающий специализироваться на одном из трех высших факультетов, чем, однако, не исчерпывалось значение факультета искусств. И во Франции, и в германских университетах господствовало воззрение, что факультет этот представляет собой науку вообще, чистую науку, в противоположность специальным факультетам, посвященным особым целям и задачам. Философия прославлялась многими как «путеводитель к истине», как нечто такое, что «не стремясь ни к чему внешнему довольствуется границами самой науки», а магистры восхвалялись как «бескорыстные служители, которых не мысль о хлебе побуждала к труду, а

единственно жар истины» (*ardor veritatis*). В этом представляли свою гордость и сами артисты; бесспорным, однако, остается тот факт, замечает Кауфман, что профессура артистов наименее обеспечивалась или даже совсем не обеспечивалась жалованием. «*Dat Galenus opes et Justinianus conores... sed genus et species cogitur ire pedes*» (Гален, т.е. медицина, дает богатство, Юстициан, т.е. юриспруденция дает почести и ложности, а Род и Вид, т.е. логика, другими, словами – артисты, вынуждены ходить пешком), – говорили в Средние века. Кто занимается логикой, тот в поте лица съедает хлеб свой, говорилось в одной студенческой песне; пред юристом растворяются двери дворцов, а если бы сам Гомер пришел в сопровождении муз, ему пришлось бы постоять у дверей, и т.п.

Факультеты как самостоятельные корпорации в рамках обособленной научной области

Факультеты в отношении к университету были, с одной стороны, его членами и служили ему для выполнения его задач, а с другой – были корпорациями с самостоятельной задачей культивировать обособленную научную область и регулировать научные занятия в этой области. Они имели свои статуты, выбирали своих должностных лиц, производили испытания, представляли канцлеру кандидатов на ученые степени, регулировали допущения к преподаванию лиц, получивших ученые степени в других университетах. В некоторых университетах даже прямо настаивалось на том, чтобы университет не вмешивался в круг факультетских дел и один факультет – в дела другого. Когда в Вене в 1390 году между теологами и артистами, с одной стороны, и юристами и медиками – с другой, возник спор по вопросу от чьего имени должен быть адресован папе *rotulus*, т.е. список лиц, рекомендуемых папе как достойных кандидатов на церковные бенефиции, во имя ли университета, или во имя отдельных факультетов, спор разрешен был третьей стороной в пользу последнего мнения. Но бывало и иначе. Например, в Раштоке, пока право призвания профессоров не перешло на герцогов мекленбургских и на городской совет, теологи принимали участие в выборах профессора на философские кафедры, и наоборот, три артиста участвовали в выборе профессоров медиков и только на юридические кафедры выбор производился одними юристами, без постороннего участия.

Наблюдение университета за факультетами

Во всяком случае, вне сомнения оставалось, что университету принадлежит наблюдение за факультетами: «если факультет нерадив, то университет должен позаботиться», говорится в эрфурдских статутах. В некоторых университетах было даже возведено в принцип, что постановление факультетов необязательно, по-

ка не утверждены университетом и государем территории. Утверждение университетом статута факультетских было общим правилом. Университет иногда оказывал поддержку факультету. Например, когда в 1482 году артисты в Грейфсвальде не могли прийти к соглашению при выборе декана, он был выбран ректором и сенатом, а в следующем году университет снова вмешался, чтобы заставить меньшинство признать декана, избранного большинством факультета. В том же году один магистр, которого факультет артистов исключил из своей среды, апеллировал университету, и университетский сенат произвел следствие, закончившееся подтверждением состоявшегося приговора.

Борьба
факультетов за
самостоятельность

Но бывало и так, что факультет отказывался повиноваться постановлению университета, и, при отсутствии твердо установленных границ между общеуниверситетскими и чисто факультетскими делами, столкновения были нередки, впрочем, не доходя до анархии. Факультеты имели собственные статуты с правом диспенсации, то есть освобождения от применения их в отдельном случае, собственную печать, собственную кассу. Факультеты управляли своим имуществом, облагали налогами, брали и давали в заем капиталы, строили свои здания и наблюдали за ними. В старинных документах, относящихся к истории Рюштокского университета, исследователи не раз встречались с выражением: «Фиск факультета искусств» (*fiskus facultatis atrium*). Случалось, что факультеты и коллегии вели между собой процессы пред ректором и пред апелляционными инстанциями.

Компетенция
декана

Во главе факультета стоял декан, как и ректор, большею частью выбиравшийся на полгода членами факультета из своей среды, но, например, у юристов в Вене до 1448 года должность декана проходили последовательно все члены факультета по старшинству возраста, а в Грейфсвальде и Лейпциге декреталист (то есть канонист, читавший декреталы Григория IX), с титулом «*ordinarius*», постоянно занимал деканскую должность. При оставлении должности декан, как и ректор, должен был дать отчет в своем правлении. В компетенцию декана входило: созывать членов факультета на собрания, руководить совещаниями, приводить в исполнение состоявшиеся решения, представлять на университетские собрания, состоящиеся под председательством ректора, то, что должно было из факультета восходить туда на обсуждения, хранить ключ от факультетской кассы, а также факультетскую печать, и скреплять ею факультетские документы, посещать бурсы, руководить испытаниями и прочее.

Факультет как
ученый цех

В факультете воспроизводился тип ученого цеха, членами в котором состояли только мастера (доктора и магистры), а не подмастерья и тем менее школяры, которых часто стали называть также студентами. В действительности, провести эту идею можно было с безусловной строгостью только на факультете артистов, где магистров всегда было мало, а на высших факультетах, где число докторов не доходило иногда и до трех, нужда заставляла допускать лицензиатов и бакалавров в собрания и избирать их в должности. Несмотря на то, что они имели уже большей частью ученую степень по факультету искусств, чувствовалось, что допущение этих лиц в факультет, в качестве членов, есть нечто ненормальное. На факультете артистов, напротив, и магистры не все считались за полноправных членов факультета: магистр по получении степени (а степень можно было получить и очень юному ученому в 20 или в 21 год) должен был исполнить двухлетие (*biennium complere*), то есть в течение двух лет преподавать на факультете; новые магистры (*novella magistri*), не исполнившие двухлетия, не считались полноправными членами факультета.

Совет факультета
под председательством
декана как высшая власть на
факультете

Полноправные члены факультетов вообще, составляя из себя собрание, под председательством декана, представляли собой в принципе высшую власть факультета. Но иногда этот принцип выражался лишь в том, что в известных случаях, особенно при установлении статуты, должны были созываться и подавать голоса все члены факультета. Для управления же в многолюдных университетах и на многолюдных факультетах образовался управляющий совет, по аналогии с университетским сенатом. У богословов, положим, факультетский совет составлялся из всех докторов-теологов, так как число их вообще было невелико и к испытанию на лицензию допускались лишь лица, достигшие тридцатилетнего возраста. Положим далее, что медицинский факультет имел обыкновенно небольшое число преподающих докторов, так что оказывалось необходимым удерживать в числе членов факультета всех, кто получил на нем степень хотя и не преподавал; даже деканом иногда бывал не преподаватель, но врач-практик, а в Базеле сам медицинский факультет был не корпорацией преподавателей, а ассоциацией всех врачей, имевших факультетскую степень и живших в Базеле. Но что касается юридического факультета, то в некоторых университетах он выделил из себя особый управляющий состав или управляющую коллегия, сенат, причем граница между членом и нечленом факультетского со-

вета проводилась тем обстоятельством, связана или не связана профессура с жалованием, отчасти также принадлежностью или непринадлежностью доктора к монашескому ордену и еще более фактом получения ученой степени в своем или чужом университете: промовированный в чужом университете должен был известное время преподавать без зачисления в управляющую коллегию. В Лейпциге даже и на богословском, и на медицинском факультетах различаемы были доктора-члены совета от остальных. Понятно, что на факультете артистов, где всегда была масса самой зеленой молодежи и неопытных магистров, еще более оснований было к выделению из факультетского собрания управляющей коллегии. В Вене к декану были приданы четыре советника, вместе с которыми он разрешал текущие дела и без согласия которых не мог созвать факультетское собрание, а для разных дел, кроме того, составлялись разные комиссии. В Лейпциге, не считая того требования, чтобы магистры два года, по получении степени, преподавали, требовалось еще, для зачисления в факультетский совет, протечение известного числа лет со времени получения степени (сначала 3, а к концу пятнадцатого века даже 8 лет), причем число членов было ограничено (16–24). В Грейфсвальде совет составлялся из 12 магистров, получивших степень не менее как за 4 года до вступления в совет. Вообще, применительно к тому, что раньше было сказано об университете, чем ближе к новой истории, тем более усиливается тенденция ограничить представительство факультета известным числом сравнительно опытных членов совета, причем немалую роль стал играть факт получения жалования тем или другим магистром, денежного или в виде коллегеатуры (см. ниже о коллегиях и бурсах в Эрфурде, Грейфсвальде и Тюбингене).

Коллегии и бursы как корпоративные члены общеуниверситетской организации

Кроме наций и факультетов, университетская организация включала в себя еще более мелкие корпорации – коллегии и бursы, которые были частью более или менее зависимыми членами отдельных факультетов, частью стояли рядом с ними как члены общеуниверситетской организации. Различаясь между собою по размерам, богатству, задачам, по происхождению и юридическому положению, германские коллегии и бursы, по выражению историка, были не только важными органами и театрами академической жизни, но корпорациями с самостоятельными задачами, интересами и правами, так что университет представлял сумму различных корпораций, различным образом связывавшихся с ним и между собою, впрочем, без той анархии, ко-

торой отмечен строй парижского университета, и без того исчезновения университета в коллегиях, которое наблюдается в истории английских университетов.

В Гейдельбергский университет были вчленены орденские дома – цистерсинцев и доминиканцев, в которых получали образование члены орденов, посылавшиеся для этой цели из курфюршества баварского. В обеих коллегиях читались лекции по богословским и философским дисциплинам, и обе они были не что иное, как монашеские общежития или монастыри, получившие статуты от своего ордена, но вчлененные в университет. Члены коллегии слушали лекции, вероятно, только у своих орденских преподавателей, но принимали участие в публичных диспутах и актах университета. В Кельне подобные же школы существовали в монастырях бенедиктинцев и в четырех разветвлениях нищенствующих орденов (доминиканцев, миноритов или францисканцев, августинцев, кармелитов), в эти школы должны были посылаться способные монахи из всех монастырей провинции. Штудирующие в таких школах оставались членами своего ордена, но в то же время состояли членами университета, хотя и с немаловажными ограничениями и особенностями в отношении прав и обязанностей. Так, члены четырех нищенствующих орденов в Кельне обыкновенно не иммотрикулировались, а в коллегии профессорские, как думают, принимались только на теологические факультеты без права избрания в ректоры. Лейпцигские теологи определили, что от каждой из вчлененных в университет орденских коллегий только один член может вступить в теологический факультет в качестве полноправного члена, с равным правом голоса, притом по избранию факультета. Кроме того, было условлено, что каждый из орденских домов должен посылать, по крайней мере, двух членов на лекции профессоров из белого духовенства, читавшиеся в большой коллегии. Особыми затем правилами регулировались испытания монахов, да еще с различиями между нищенствующими и остальными. Факультет артистов вообще не допускал к себе монахов: он мог еще дать, по желанию, степень магистра, но чаще монахи довольствовались испытаниями в своей орденской школе. В 1488 году цистерсинцы просили дать место при публичных актах между магистрами университета тем из монахов, которые, выдержав испытания в своей школе, действовали в ней в качестве детерминаторов. Факультет согласился, но с условием, чтобы на испытания в орденском доме приглашались декан и некоторые из старейших членов факультета артистов, чтобы вновь

вступающие в отправление своих обязанностей детерминаторы приглашали целый факультет на промоционный обед и уплачивали известные пошлины, а сверх того, чтобы детерминаторы воздерживались от лекций и практических упражнений, ведущих к получению ученых степеней, «дабы не было отсюда ущерба для магистров, промовируемых факультетом, и чтобы они никогда не претендовали на место в управляющем совете факультета». Или, например, в статутах базельского юридического факультета XV века было прямо выражено, что *doctor juris* – член ордена – не может быть принимаем в управляющий совет факультета. Кратко сказать, орденские школы были вчленены в университет, но полноправными членами факультетов не считались.

Коллегии для магистров и бурсы для надзора за учащимися

Теснее была связь остальных коллегий и бурс с университетом; но детали были регулированы различно, и само устройство этих институтов было разным. Вообще говоря, нужно различать коллегии, предназначенные для магистров, и бурсы, предназначенные для учащихся в видах обучения и надзора; но в действительности граница между теми и другими была неустойчива, так как и учащихся от учащихся трудно было разграничить. Вот почему название «коллегий» могло быть употребляемо, как общий термин для обозначения общежитий учащихся и общежитий учащихся. Коллегии в тесном смысле были корпорациями магистров, совместно живших в одном определенном доме под действием особых статутов, во многих отношениях напоминавших монастырские уставы, только без их строгой принудительности. Обыкновенно предписывались общее хозяйство и общий стол. Расходы покрывались частью из рент, отказанных дому при самом его учреждении, или позднее бывшими его членами, частью взносов платных членов. Ренты отказывались или жертвовались частью в пользу коллегии вообще, частью как специальное обеспечение одной лишь коллегиатуры, т.е. одного членского места в коллегии. Обладатели коллегиатур обыкновенно отличаемы были от платных жильцов, и, по общему правилу, одни лишь они имели право на управление делами коллегии. Представление такой коллегиатуры было одной из форм жалованья, так что означало вместе и призывание к профессуре. Замещение освобождающихся коллегиатур частью принадлежало коллегиятам дома, частью факультетам и нациям, частью самому государю, оставлявшему за собою это право, как резерват, или по крайней мере связывалось с согласием всех этих властей. Так, в Гейдельберге существовала коллегия артистов, учрежденная курфюрстом в 1391 г. Живущие в

этой коллегии артисты обязывались зато исполнять все преподавательские обязанности по чтению лекций и по участию в диспутах. Они могли, кроме того, посвящать свои силы изучению теологии и, напротив, должны были выходить из коллегий, если бы у них явилось желание штудировать медицину или юриспруденцию. Их общая жизнь была регулирована статутами, которые даны были курфюрстом и без его согласия не могли быть изменяемы. Каждый год выбирали они себе «препозита», которому принадлежали надзор и управление имуществом. Припасы для кухни коллеги покупали по очереди, сменяясь понедельно.

Большая
и малая коллегии

В Лейпциге существовали большая и малая коллегии. Статутами их предписывалось, между прочим, чтобы ни один коллегият не выставлял в чтениях или диспутах таких тезисов, которые были бы неудобны большинству коллегиятов, так что коллегия имела и научную цензуру по отношению к своим членам. В Вене основанная герцогом коллегия (*collegium ducale*) была передана университету при самом его учреждении, как существенная часть дотации. Для помещения коллегии дан был дом с доходами: коллегия предназначена для 14 профессоров (12 артистов и 2 теолога). В перспективе у этих коллегиятов, пользующихся даровым помещением и содержанием, имелось получение канониката в кафедральном капитуле, так как 8 (из 24) каноникатов, инкорпорированные в университет, предназначались именно для членов этой коллегии. Тот, кто получал освобождающийся каноникат, терял тем самым коллегиятуру, а освобождающаяся коллегиятура замещалась путем выборов, причем нужно было наблюдать, чтобы 6 из 12 артистов были по происхождению из австрийских наследственных земель. Восемь каноникатов кафедрального капитула и четырнадцать коллегиятур герцогской коллегии составляли основной фонд дотации Венского университета. В некоторых университетах для коллегий были открыты пути влиять на ход университетских дел, особенно по факультету артистов. Например, в зрфуртских статутах 1439 года было определено, что все восемь коллегиятов в *collegium universitatis* должны состоять в числе членов управляющего совета факультета; кроме них, совет составлялся еще из шести коллегиятов другой коллегии – *Porta coeli* – и из шести неколлегиатов: выбор в деканы и в члены испытательной комиссии исходил из этих групп. В Грейфсвальде было две коллегии для артистов – одна для шести, другая для четырех магистров, и все эти коллегияты входили в состав управляющего совета факультета, а так как всего в совете было не более 12 членов, то

выходило, что в совете 10 коллегатов стояло против двух неколлегиатов. Поэтому в актах факультета стоит иногда слово «collegiati» там, где следовало бы ожидать слова «consilium facultatis», и наоборот. Грейфсвальдские коллегии служили вместе и бурсами для учащихся, так как при них были педагогии или подготовительные школы. То же самое в Майнце, где почти целое устройство факультета артистов покоилось на расчленении двух коллегий: Schenkenberg и Algesheim. Декан избирался попеременно из обеих коллегий и должен был присягать в том, что не будет предпочитать магистров и школьников своей коллегии.

Предназначение
бурс для учащихся

Собственно бурсы предназначались для учащихся. Они назывались еще *regentiae*, *cotubernia*; предназначавшиеся для совершенно бедных назывались *Coderien* (от латинского *quota*, франц. *cote* – доля платежа, падающая на отдельное лицо). Бурсы часто отмечали специальным названием по имени святого, которому они посвящались, или по имени учредителя, но бывало и так, что подобно гостиницам они носили клички: «Zur Lilie», «Zur Rose», «Zum Adler». Одни из бурс были институтами, существование которых было обеспечено вкладами, другие основывались предпринимателями-магистрами и бакалаврами с промышленной целью извлечения барыша. Взносы уплачивались по понедельно и были различной высоты, так что каждый, по своим средствам, мог выбирать то или иное общежитие. В так называемых кадериях плата не взималась. Университетские налоги и штрафные деньги часто раскладывались по бурсам. Розовая бурса (*Rosenburse*) в Вене была одной из наилучше устроенных. Принимался только тот, кто настолько преуспевал в илиментах (*in puerilibus*), что мог посещать лекции с пользой для себя. От школяров бурсы ожидалось, что через три года они достигнут степени бакалавра искусств, а от бакалавров, что они через два года сделаются магистрами; сделавшись магистрами, они еще два года могли оставаться в бурсе для того, чтобы выполнить предписанную обязанность двухлетнего преподавания (*biennium complere*), слушая в то же время теологические лекции; мало того, им могло быть дозволено оставаться в бурсе вплоть до приобретения степени доктора теологии. Надзор за занятиями и вообще руководство бурсой принадлежали «провизору», которого выбирали и за которым имели наблюдение особые «супер-интенденты» и сами стипендиаты. Первыми супер-интендентами были: один лицензиат искусств, один горожанин и двое ученых, из которых только один вел преподавательское дело в университе-

те. Они обязаны были сами себе при жизни назначать преемников: ученые ученых же, горожанин – горожанина. Стипендиаты должны были вставать в пять часов утра, в определенные часы молиться, заниматься, обедать, при выборе лекций того или другого преподавателя слушаться совета провизора, которому должны были представлять каждую одну четвертую года свидетельства преподавателей об усердном посещении лекций; в самой же бурсе лекций не читалось, но практические упражнения велись. Принимать учеников и устраивать, следовательно, бурсы в бурсе было запрещено; но, в виде исключения, и это дозволялось, так что и в данном отношении бурса сближалась с коллегией магистров. Статут «Розовой бурсы» служил образцом для позднейших бурс, число которых в Вене доходило до 129. Большею частью это были частные бурсы, устраивавшиеся или предпринимателями – магистром или бакалавром, которые заключали контракт с домовладельцем и испрашивали разрешение от декана факультета артистов и от ректора, или артелями самих школяров, нанимавшими дом и получавшими от декана начальника в лице так называемого конвентора.

Факультетский
и ректорский
надзор за бурсами

Факультету или ректору принадлежали не только надзор за бурсами в отношении к прилежанию, поведению и соблюдению статута, но и определение цены, уплачиваемой школярами, дозволение изменения цены и перемены помещения, решение споров о мебели, книгах и т.п. между лицами, сменявшими друг друга в управлении бурсой. В Ингольштадте (*Collegium Georgianum*) наблюдается другая форма бурс. Георгиевская коллегия была учреждена герцогом Георгом для помещения и содержания 11-ти учащихся и одного магистра для надзора за ними, под названием регента (*regens collegii*). На одиннадцать свободных мест одиннадцать городов герцогской территории должны были представлять по кандидату, могли учреждать и большее число коллегатур, внося ежегодное обеспечение по крайней мере в 11 гульденов на каждое учреждаемое место. А управляющему магистру предоставлялось принимать и других школяров с понедельною уплатой взноса. Стипендиаты – жильцы, называвшиеся коллегатами (как и в коллегиях магистров), не выбирали себе припозита или приора, а подчинены были надзору и руководству регента, назначавшегося факультетом искусств из его членов, который был вместе бакалавром теологии. Руководство обнимало и жизнь, и учение; час в день должен был употребляться на диспутации. Подготовки от принимаемых в бурсу не требовалось, требовалось лишь 16-летний воз-

раст и умение петь (!). Статуты коллегии были изданы герцогом, который, однако, подчинив коллегию надзору факультета, дал последнему полномочие устанавливать более детальные статуты и оставлять от должности нерадивых регентов.

Школярам-стипендиатам было предоставлено участие в управлении: двое из них, вместе с регентом и другими, назначенным от факультета артистов, магистром, должны были заведовать и расходами коллегии, а регент ежегодно должен был давать отчет ректору и деканам теологии и искусств в присутствии коллегатов. Коллегиаты слушали все университетские лекции, не уплачивая положенного гонорара, так как прием в *Georgianum* считался доказательством бедности. Подобные же институты учреждались во всех университетах; в некоторых бывало лишь несколько мест, в других сотня и больше, в последних и органов надзора было больше. В Тюбингене все школяры-артисты были соединены в две бурсы, из которых позднее (в 1534 г.) была образована одна, под названием «*Contububernium*». При обеих бурсах были педагогии для начинающих. Во главе бурсы стоял ректор, который и был ответственным лицом за весь ход дел в бурсе. Школяры (кроме начинающих) посещали университетские лекции, находясь под руководством пяти конвенторов, которые, будучи помощниками ректора, вели с ними все практические упражнения. В конвенторы назначались магистры искусств, штудирующие на высших факультетах, или уже приобретшие степени на этих факультетах: двое в теологии, двое в правах и один в медицине. Пять конвенторов выбирали себе еще шестого – для руководства репетициями бакалавров пред магистерским экзаменом, и наконец, все шестеро, совместно с четырьмя магистрами, имевшими коллегатуры, выбирали магистра для наблюдения за педагогией. Один из конвенторов, в качестве эконома, заведовал хозяйством; другие сменялись понедельно в исполнении известных общих обязанностей надзора, например, будить в пять часов. Должностные лица за исполнение ими обязанностей по бурсе имели даровое помещение и небольшие доходы – все это было для них подспорьем на пути к достижению желаемой ученой степени. Они входили в состав сената факультета искусств, даже если еще и не закончили двухлетия, и вместе с четырьмя магистрами-коллегиатами, составляли зерно факультета артистов, так что, следовательно, бурса играла роль в ходе дел факультетских вообще.

(Продолжение следует)

